

остаётся, как ждть, сколь долго ещё буржуазная, реакционная диктатура будет терпеть его в Пражском Граде. Впрочем, Бенеш всегда проводил в вопросе признания лишь политику чешских социалистов и социал-демократов. Не только он, но и они продавали в коалиции признание за мелкие уступки* так долго, что реакция сорганизовалась и, грубо устранив их от власти, готова теперь ликвидировать все те уступки, ради которых социал-реформисты упустили признание СССР¹.

Поэтому вопрос о признании для трудовых слоев и их политических представителей не может быть каким-то изолированным требованием. Это просто одно из ряда требований рабочего класса, за которое необходимо совместно бороться и которым нельзя спекулировать. Непризнание СССР является именно таким же актом реакции, как попытка еще более ухудшить социальное страхование, как перекладывание налогового бремени на пролетариат, как стремление к новой клерикализации государства и т. д.

Если чехословацкая промышленность и торговля знают, что юридическое признание Советского Союза является безусловной необходимостью для дальнейшего развития взаимных экономических отношений между обоими государствами, то пролетариат Чехословакии не может потерпеть тот факт, что государство, которое без возражений признало кровавые буржуазные режимы в Болгарии, Италии² и т. д., до сих пор не признало Советскую пролетарскую республику.

Признайте Советский Союз! Это требование ставит не Советский Союз. Это — требование всего трудящегося населения Чехословакии.

«*Rudé právo — večerník*», Praha, 26.

ledna 1927, č. 20.

Перевод с чешского.

¹ Имеется в виду намерение правительства господской коалиции во главе с А. Швеглой ограничить действие закона о социальном страховании.

² В 1922 г. чехословацкое правительство без возражений приняло к сведению установление фашистского режима в Италии во главе с Муссолини. 5 июля 1923 г. оно вместе со всеми партнерами по Малой Антанте признало пришедшее к власти 9 июня 1923 г. фашистское правительство в Болгарии во главе с А. Цанковым.

Нота Народного комиссариата иностранных дел СССР Представительству Чехословакии в СССР

Москва

27 января 1927 г.

В ответ на ноту Представительства Чехословацкой республики от 22 января 1927 г. за № 83/27¹ Народный комиссариат по иностранным делам имеет честь сообщить нижеследующее:

Неправильным толкованием цитированной нотой некоторых фактов Народный комиссариат по иностранным делам видит себя вынужденным снова вернуться к вопросам, неоднократно уже освещенным в переписке между Народным комиссариатом по иностранным делам и Полномочным Представительством Союза ССР в ЧСР, с одной, и Министерством иностранных дел ЧСР и Представительством ЧСР в СССР, с другой стороны, и касающимся положения и функций так называемого отделения Представительства ЧСР в Харькове.

* В оригинале: «успехи».

Народный комиссариат по иностранным делам отмечает, что утверждение, будто бы нотой Полномочного Представительства СССР в ЧСР от 5 октября 1923 г. Народный комиссариат по иностранным делам сообщил Министерству иностранных дел ЧСР, что образованием СССР не меняется характер и положение отделения в Харькове, не соответствует ни форме, ни смыслу этой ноты. Тот факт, что до образования СССР такого отделения вообще еще не существовало, сам по себе говорит о невозможности закрепления положения несуществовавшего органа. Нота же от 5 октября 1923 г. подчеркивала, что «открываемое в г. Харькове отделение рассматривается Правительством СССР как учреждение со строго консульскими функциями». Этим самым Правительство СССР с самого начала возникновения отделения подчеркивало необходимость оформления его как консульства.

Народный комиссариат по иностранным делам позволяет себе напомнить, что после того как в течение 1½ лет г. Бенешем, возглавляющим отделение Представительства ЧСР в Харькове, не было предъявлено консульского патента, Правительством СССР в лице уполномоченного Народного комиссариата по иностранным делам при Правительстве Украинской ССР г. Шлихтера было сделано 2 мая 1925 г. письменное представление г. Бенешу о необходимости по положению возглавляемого им учреждения и согласно законам УССР и СССР предъявления им консульского патента. Получение этого представления письменно подтверждено г. Бенешем 4 мая 1925 г., а 21 мая 1925 г. г. Бенеш письменно сообщил управлению уполномоченного Народного комиссариата по иностранным делам при Правительстве УССР, что «содержание вышеозначенного отношения было Представительством ЧСР для СССР в Москве срочно передано Чехословацкому Министерству иностранных дел в Праге на распоряжение».

Таким образом, отпадает утверждение ноты от 22 января 1927 г. о том, что требование о переименовании Харьковского отделения в консульство стало известно Министерству иностранных дел лишь в последнее время.

Народный Комиссариат по иностранным делам далее отмечает, что в последовавшей затем переписке и переговорах между Представительством СССР в ЧСР и Министерством иностранных дел все время подчеркивалось, что Правительство СССР настаивает на оформлении так называемого Харьковского отделения в консульство и на разрешении вопроса об открытии консульства СССР на территории ЧСР. Так, в ноте Полномочного Представительства СССР от 18 мая 1925 г. за № 757/11 подчеркивалось, «что если правительство Чехословацкой республики и может иметь (при наличии согласия на это Правительства Союза ССР) какой-либо свой орган в Харькове, то лишь в форме консульства и, разумеется, на основе взаимности»². Этот взгляд был повторен в ноте Полномочного Представительства от 9 октября 1925 г. за № 1771/11³ и затем неоднократно в переговорах г. полномочного представителя Антонова-Овсеенко с г. министром Гирсой. Наконец, нотой от 9 августа 1926 г. за № 1403/81 Полномочное Представительство снова настаивало на скорейшем решении вопроса как преобразования так называемого Харьковского отделения в консульство, так и открытия консульства СССР в ЧСР.

При разрешении этих вопросов Народный комиссариат по иностранным делам руководствовался теми соображениями, что международное право и народное сознание знает лишь консульскую форму представи-

тельства иностранного государства во внестоличных центрах. Если центральные органы власти могут еще приспособляться к ненормальным формам представительства иностранного государства, то этого нельзя требовать от многообразных провинциальных властей, привыкших иметь дело лишь с консульствами. Неудобства, недоразумения и неправильные представления в сознании властей и населения, возникшие на почве неопределенности так называемого Харьковского отделения, и несоответствие названия характеру его работы и функциям свидетельствуют, что предложения Народного комиссариата по иностранным делам диктуются не только формальными соображениями, но и существом дела. К этому надо добавить, что ЧСР является единственным государством, добивающимся в Харькове необычной формы представительства.

Вместе с тем договор между РСФСР и УССР, с одной, и ЧСР⁴, с другой стороны, ныне действующий между СССР и ЧСР, допускает открытие отделений лишь с согласия на то соответствующего правительства. Такого согласия на открытие отделения Представительства ЧСР для СССР в Харькове Правительство СССР не давало. Оно лишь соглашалось на преобразование существовавшего при бывшем Народном комиссариате по иностранным делам УССР Представительства в консульский орган и в дальнейшем стремилось к оформлению его юридического положения как консульства, одновременно стремясь урегулировать вопрос об открытии своего консульства на территории ЧСР. Поскольку Министерство иностранных дел ЧСР отклоняет предложение об открытии в г. Братиславе консульства СССР, а Правительство СССР не давало согласия на открытие отделения Представительства ЧСР в Харькове, приходится установить отсутствие в г. Харькове какого бы то ни было надлежащим образом оформленного и признанного официального учреждения ЧСР. Из того обстоятельства, что Правительство СССР в течение всего продолжительного периода переговоров терпеливо допускало фактическое существование юридически не оформленного учреждения, для Правительства СССР никаких обязательств по отношению к данному учреждению не вытекало и не вытекает.

Народный комиссариат по иностранным делам не может также согласиться с точкой зрения Министерства иностранных дел, что последовавшее ранее лишение так называемого Харьковского отделения права выдавать национальные паспорта является мерой, противоречащей существующему договору. Народный комиссариат по иностранным делам подчеркивает, что даже в том случае, если бы отделение существовало с согласия Правительства СССР, оно не вправе было бы выдавать национальные паспорта, так как статья 6-я Временного договора таковое право установила лишь за представительствами каждой стороны.

Народный комиссариат по иностранным делам, сожалеет, что Министерство иностранных дел рассматривает его ноту от 23 декабря 1926 г. как ультимативную. Народный комиссариат по иностранным делам придерживается того взгляда, что правительство любой страны вправе во всякое время прервать переговоры по какому-либо вопросу, если оно убеждается, что другая сторона применяет тактику длительного затягивания переговоров, или, когда выясняется невозможность соглашения. Народный комиссариат по иностранным делам в данном случае (как это уже было выше отмечено) в течение долгого времени и неоднократно указывал Министерству иностранных дел на всю актуальность и срочную необходимость урегулирования этого вопроса. В силу бесплодности длительных переговоров и переписки Народный комиссариат по иностранным

ранным делам увидел себя вынужденным поставить определенный предельный срок для окончательного урегулирования этого вопроса и достижения необходимого соглашения. По получении ноты от 22 января 1927 г. Народный комиссариат по иностранным делам вынужден констатировать отсутствие у правительства ЧСР достаточного интереса к дальнейшему сохранению своего консульского учреждения в Харькове. Указание Министерства иностранных дел на невозможность открытия консульств при отсутствии консульской конвенции Народный комиссариат по иностранным делам отводит, ссылаясь на существование в СССР консульства ряда стран, с которыми консульские конвенции не заключены. Народный комиссариат по иностранным делам берет смелость утверждать, что и Чехословацкая республика заключила консульские конвенции не со всеми странами, в которых она имеет свои консульства.

В силу всего вышеизложенного Народный комиссариат по иностранным делам имеет честь довести до сведения Представительства Чехословацкой республики, что им сего дня даны инструкции своему Уполномоченному при Правительстве УССР о непризнании официальных функций названного отделения в Харькове.

Народный комиссариат по иностранным делам к этому имеет честь присовокупить, что все вопросы, разрешавшиеся до сего дня между названным отделением и управлением уполномоченного Народного Комиссариата по иностранным делам при Правительстве УССР, равно между отделением и другими правительственными организациями УССР, как начатые и еще не разрешенные до сих пор, так имеющие возникать вновь, подлежат впредь обсуждению и разрешению между Представительством ЧСР в Москве и Народным комиссариатом по иностранным делам.

Народный комиссариат по иностранным делам вместе с тем подчеркивает, что Правительство СССР ни в малейшей степени не намерено противодействовать созданию консульства ЧСР в г. Харькове для защиты им интересов граждан ЧСР на территории УССР, и изъявляет со своей стороны готовность признать за г. Бенешем официальные качества и право на выполнение им консульских функций, как только будет предъявлен Народному комиссариату по иностранным делам установленный консульский патент для получения экзекватуры и при том разумеется, условии, что правительство ЧСР даст согласие на открытие консульства СССР в г. Братиславе¹.

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. X. М., 1965, с. 26—30.

¹ В упоминаемой ноте Представительства Чехословакии в СССР от 22 января 1927 г. № 83/27, в частности, говорилось:

«Представительство Чехословацкой республики в Москве, подтверждая полученные ноты от 23 декабря 1926 г. за № 1273/ЦЕ, имеет честь по поручению Министерства иностранных дел сообщить Комиссариату по иностранным делам следующее:

Министерство иностранных дел, приняв к сведению содержание вышеупомянутой ноты, должно прежде всего сослаться на свою ноту № 186255/11—26 от 15 декабря 1926 г., адресованную Полномочному Представительству Союза ССР в Праге, коей извещало о согласии правительства Чехословацкой республики на учреждение в г. Братиславе отделения Представительства Союза ССР для ЧСР в Праге с консульским и торговым характером.

Министерство иностранных дел полагало, что этим самым требование Правительства Союза ССР было удовлетворено полностью, однако, спустя незначительный промежуток времени, от Народного Комиссариата по иностранным делам получена нота № 1273/ЦЕ, в которой в ультимативной форме Народный Комиссариат по иностранным делам требует преобразования Харьковского отделения в консульство».

Далее в ноте говорилось: «Когда в 1923 г. образовался Союз ССР, Народный Комиссариат по иностранным делам нотой Полномочного Представительства за № 3785 от 5 октября 1923 г. сообщил Министерству иностранных дел, что образованием Союза ССР не меняется характер и положение отделения в Харькове и что Харьковское отделение будет рассматриваться Правительством Союза ССР как учреждение со строго консульскими функциями согласно ст. 1 и 2 временных договоров. Ввиду этого нет сомнений, что Правительство Союза ССР существование отделения Представительства ЧСР для СССР рассматривало с самого начала как соответствующее договорам и конституции Союза ССР. Ноту Полномочного Представительства за № 3875 Министерство иностранных дел приняло к сведению».

В ноте № 83/27 утверждалось, что «Министерству иностранных дел стало известно требование о переименовании Харьковского отделения в консульство лишь в последнее время», и в заключение сообщалось, что Министерство иностранных дел ЧСР «дает согласие к учреждению в Братиславе отделения Представительства Союза ССР для ЧСР в Праге с правомочием, аналогичным правомочию отделения Представительства ЧСР в Харькове, но сожалеет, что до заключения консульской конвенции лишено возможности согласиться на переименование отделений в консульства» («Документы внешней политики СССР», т. X. М., 1965, с. 30—31).

² См. док. 126.

³ См. док. 147.

⁴ См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. I. с. 507—511.

⁵ На ноту НКВД СССР от 27 января 1927 г. № ЦЕ/55 Представительство Чехословакии в СССР ответило нотой от 7 февраля 1927 г. № 135/27, которая гласила:

«Представительство Чехословацкой республики в Москве имеет честь подтвердить получение ноты Народного Комиссариата по иностранным делам за № ЦЕ/55, содержание которой было немедленно сообщено Министерству иностранных дел в Праге. В ответ на это сообщение Представительство получило от Министерства иностранных дел распоряжение довести до сведения Народного комиссариата по иностранным делам следующее:

Министерство иностранных дел сожалеет, что не может согласиться с точкой зрения Народного Комиссариата по иностранным делам в вопросе отделения Представительства Чехословацкой республики для Союза ССР в Харькове, вследствие чего сделано распоряжение отделению о приостановке официальных функций с перенесением их в целом на Представительство Чехословацкой республики в Москве» («Документы внешней политики СССР», т. X. М., 1965, с. 31).

225

Выписка из протокола заседания ЦК Союза текстильщиков СССР об оказании материальной помощи бастующим текстильщикам Чехословакии¹

Москва

3—6 февраля 1927 г.

Слушали: О помощи бастующим текстильщикам Праги (Чехословакия).

Постановили: Послать бастующим текстильщикам г. Праги 1000 рублей из международного боевого фонда².

Председатель ЦК Мельничанский
И. о. секретаря ЦК Буянов

ЦГАОР СССР, ф. 5457, оп. 11, д. 207,

л. 10.

Заверенная копия.

¹ Забастовка текстильщиков в Праге в конце 1926 г. длилась несколько недель. По призыву КПЧ в поддержку пражских текстильщиков выступили рабочие других предприятий Чехословакии. Она проводилась с целью помешать предпринимателям снизить заработную плату и сократить отпуска. Забастовка была сломлена в результате увольнения бастовавших рабочих в конце января 1927 г. и полицейских репрессий против ее организаторов.

² Сообщение об оказании помощи бастующим пражским текстильщикам опубликовала газета «Известия» 9 февраля 1927 г.